

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ: НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ АФГАНИСТАНА

© ЗИМИН И.А., 2022

ЗИМИН Илья Андреевич, младший научный сотрудник группы изучения региональных отношений Лаборатории “Центр ближневосточных исследований”.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (guzhev.ilya1999@mail.ru), ORCID: 0000-0002-8302-028X

Зимин И.А. Этапы становления регулярной армии: невыученные уроки Афганистана. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 4, сс. 97-107. DOI: 10.20542/afij-2022-4-97-107

DOI: 10.20542/afij-2022-4-97-107

УДК: 355(581)

Поступила в редакцию 29.08.2022.

После доработки 26.09.2022.

Принята к публикации 12.12.2022.

В статье рассмотрены этапы становления военной организации и трансформация роли вооруженных сил (ВС) в политической системе афганского государства с момента обретения страной независимости¹ по настоящее время. Проанализированы цели, которые в разные периоды возлагались на армию лидерами Афганистана, степень их реализации, а также методы реформирования и идейной мотивации вооруженных сил. Изучена взаимозависимость между становлением ВС Афганистана и укреплением или ослаблением государственности.

Выделяются три основных этапа развития современного афганского государства, каждый из которых определял особую роль армии как политического института и одновременно отражал ее воздействие на политическое развитие. Первый период становления современного афганского государства начинается в 1919 г. с получения страной независимости по итогам Третьей англо-афганской войны и оканчивается событиями 1978 г. (“Саурской революцией”). Второй соответствует времени нахождения в Афганистане ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) с 1979 по 1989 гг., а также пребыванию у власти марксистского правительства и его реформам. Третий датируется временем разрушения ранее созданных институтов под влиянием усугубившегося гражданского конфликта и последствий американской военной операции “Несокрушимая свобода” (2001–2014) и миссии НАТО “Решительная поддержка” (2014–2021).

Ключевые слова: Афганистан, армия, вооруженные силы, социальные и политические институты Афганистана, новейшая политическая история Афганистана.

¹ В отечественной и зарубежной историографии считается, что в 1881–1919 гг. эмират Афганистан был под протекторатом Великобритании. Зависимость заключалась в обязанности эмира согласовывать свою внешнюю политику с вице-королем Индии. Во внутренней политике эмир пользовался независимостью.

**THE STAGES OF ARMED FORCES FORMATION:
UNLEARNED LESSONS OF AFGHANISTAN**

Received 29.08.2022. Revised 26.09.2022. Accepted 12.12.2022.

Ilya A. ZIMIN (guzhev.ilya1999@mail.ru), ORCID: 0000-0002-8302-028X,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

In this article, the author looks into the stages of formation of the military organization and the transformation of the armed forces' role in the political system of the Afghan state from the moment the country gained independence to the present day. The goals that were assigned to the army by the leaders of Afghanistan at different periods of time, the degree of their implementation, as well as the methods of reformation and ideological motivation of the armed forces are analyzed. The interdependence between the formation of the armed forces of Afghanistan and the strengthening or weakening of statehood is examined.

The issues of forming the national armed forces are studied in the context of three main stages in the development of the modern Afghan state, each of those determined the special role of the army as a political institution and at the same time reflected the impact of the military organization of the army on political development. The first period refers to the formation of the modern Afghan state starting from 1919, when the country gained independence as a result of the Third Anglo-Afghan War, and ending with the events of 1978 (the 'Saur Revolution'). The second one represents the time spent in Afghanistan by a limited contingent of Soviet troops from 1979 to 1989, as well as the time the Marxist government was in power and introduced their reforms. The third period is marked by the destruction of previously established institutions under the influence of deepening civil conflict and the consequences of the US military operation 'Enduring Freedom' (2001–2014) and NATO-led 'Resolute Support' mission (2014–2021).

Keywords: Afghanistan, army, armed forces, social and political institutions of Afghanistan, modern political history of Afghanistan.

About the author: Ilya A. ZIMIN, Junior Researcher, Regional Relations Study Group, Center of the Middle East Studies.

После обретения независимости во многих государствах Востока национальные армии как социальный и политический институт стали играть решающую роль в политических процессах. Офицерство – как правило, представители средних слоев, разделявшие идеи национального возрождения – получило статус важнейшего агента перемен и демонстрировало готовность решать вопросы, далеко выходящие за пределы сугубо армейских задач и связанные с государственным строительством. Особая роль армии на Востоке анализировалась в трудах выдающихся российских востоковедов и, прежде всего – Г.И. Мирского [1]. Среди недавно опубликованных работ можно упомянуть коллективную монографию "Армии на современном Востоке" под редакцией Д.В. Стрельцова [2]. Из иностранных авторов, работавших над этой темой, стоит назвать британского исследователя итальянского происхождения А. Джустоцци и его книгу "Армия Афганистана: политическая история непрочного института" [3].

Армии в афразийском регионе являются символом национального суверенитета, безусловной "патриотической силой", предохраняющей страну от внутренних социальных конфликтов в тот момент, когда гражданские власти оказываются дискредитированы. Осознание себя "передовым" политическим институтом обосновывает претензии военного руководства на власть [2, с. 7]. В ситуации, когда армия вмешивается в политические процессы, ключевую роль играет военная интеллигенция, офицерство. Г.И. Мирский объяснял высокую степень участия офицеров в политической жизни стран Востока в том числе неразвитостью "основных классов", необходимых для формирования капиталистического гражданского общества [1, с. 4]. Он отмечал, что практически повсеместно армия на Востоке становится первым и зачастую единственным общенациональным институтом, в котором отходят на

второй план “семейные, родовые, племенные и региональные” связи, столь живучие в традиционных обществах [1, сс. 8-9].

Эти выводы во многом справедливы и для вооруженных сил Афганистана, которые начали формироваться после получения страной независимости в 1919 г. Вместе с тем, отражая общие тенденции развития вооруженных сил на Востоке, афганская армия отличалась рядом особенностей, во многом предопределивших трагическую судьбу страны в XX–XXI вв.

Во-первых, в армии Афганистана так и не было изжито традиционное сознание, выражающееся в доминировании семейной и родовой идентичности. Принадлежность к крупным социальным структурам (клану, племени) [4, с. 30], в представлении афганца куда более значима, чем национальная идентичность. В Афганистане фракционность – неотъемлемая черта любых властных структур, исключением из которых не стала и армия.

Во-вторых, особую роль в процессе формирования афганских вооруженных сил играл внешний фактор. Таким фактором были помощь СССР (частичная с середины 1950-х и полномасштабная в 1980-е годы) и США (2001–2021), которая оказывалась часто без учета местных условий жизни и сводилась скорее к перевооружению, нежели к помощи в строительстве армии как полноценного института.

В-третьих, важнейшее воздействие на армию оказал длившийся с конца 1970-х годов военно-гражданский конфликт в Афганистане. Внешнее вмешательство вызвало реакцию наиболее консервативной части афганского общества, выразившуюся в стремлении поскорее прогнать захватчика. Общество оказалось расколото между находившимися в меньшинстве “модернизаторами”, опиравшимися на иностранную помощь, и рядовым населением, живущим в парадигме кланово-племенных отношений. В этих условиях армия выступила не объединяющей общество силой, а скорее особым институтом с собственными подходами к развитию афганского государства.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

С 1919 г. до начала 1980-х годов армия в Афганистане формировалась не без помощи внешних сил, но ведущая роль в этом процессе оставалась за национальной властью. Важнейшую роль в этом процессе сыграло военно-техническое сотрудничество Королевства (впоследствии Республики) Афганистан с Советским Союзом с начала 1950-х годов [5, с. 206].

Полноценная идеологическая обработка военных началась при модернизаторе эмире Аманулла-хане (1919–1929). Это был так называемый младоафганец, член движения образованных афганцев (учителей, представителей мелкой буржуазии, офицеров), стоявших на позициях радикального реформирования и модернизации Афганистана. Аманулла стремился превратить армию в верный себе институт (по совету первого президента Турецкой республики Мустафы Кемаля Ататюрка² [3, р. 9]), сделав вооруженные силы своего рода локомотивом реформ.

До Амануллы армия состояла из племенных ополченцев и рекрутов, зачастую набираемых насильно [6, сс. 99, 123], что ставило под вопрос лояльность личного состава. Большинство солдат и офицеров оставались неграмотными. Значительную часть времени они проводили на базаре, занимаясь торговлей, либо на батрачных работах, чтобы прокормить себя, а не на учениях. Иногда солдаты и офицеры промышляли и грабежом. Они в штыки воспринимали реформы Амануллы-хана, в

² В своих реформах Аманулла-хан опирался на опыт президента Ататюрка (1923–1938). Из Турции с целью помочь афганскому лидеру в реформировании армии приехал Джемаль-паша, бывший член младотурецкого правительства, поддерживавший связи с Советской Россией. Отношения между Афганистаном и Россией эпохи Амануллы-хана носили двойственный характер. Молодая Советская республика первой признала независимый Афганистан в 1919 г. и оказывала ему военную помощь, а также поддерживала его прогрессивные реформы. С другой стороны, Аманулла-хан поддержал антисоветское басмаческое движение и дал убежище на территории своей страны многим его выходцам после окончательного установления в Средней Азии советской власти.

особенности, в армии. Недовольство усиливалось недостатком жалования, хотя при предшественниках Амануллы солдатам денежного довольствия фактически не полагалось [3, р. 9].

Военное министерство Афганистана стало издавать с 1920 г. офицерский журнал “Маджмуа-йе аскари” (“Военный сборник”), а с 1924 г. солдатскую газету “Хакикат” (“Правда”), где освещались актуальные вопросы армейской жизни и были, хоть и в примитивной форме, декларированы цели и задачи армии. С целью поддержания воинской дисциплины Аманулла-хан в 1924 г. подписал “Положение о воинских наказаниях”, которое регламентировало разного рода проступки и преступления военнослужащих и систему наказаний за них, в том числе телесных. При каждом полку создавался специальный военный суд, занимающийся разбирательствами проступков и исполнением наказаний [7, с. 92].

Однако реформы Амануллы в военной сфере не удались. Эмир столкнулся с реакцией консервативно настроенного общества, подогреваемой пропагандой мулл, а среди властной прослойки – так называемыми староафганцами, противниками административных, политических и экономических реформ. В 1929 г. Аманулла-хан был свергнут, причем армия не выступила в поддержку эмира-реформатора.

Следующий эмир Надир-шах (1929–1933) много времени уделял реорганизации и укреплению армии. По его представлениям, на офицерство возлагались задачи защитить “религию, родину, правительство и новые устои”. Набирались офицеры из числа молодых выходцев из верхушки пуштунских племен с целью удовлетворить притязания афганской знати на представительство во власти и тем самым укрепить самого короля.

При молодом Захир-шахе (1933–1973) в Афганистане набрала влияние гитлеровская агентура, проникшая в страну под видом инструкторов для подготовки афганских солдат и офицеров. Ради сближения с нацистской Германией среди офицерства продвигались идеи об “арийском” происхождении афганцев [8, с. 103]. Объектом такой пропаганды стали наиболее реакционно настроенные элементы – недовольные укреплением шаха пуштунские малики и ханы, духовенство. Нацистские идеи не получили большого распространения, и с началом Второй мировой войны и высылки из Афганистана германских советников (по настоянию Великобритании и СССР) в армии усилилось безусловное доминирование представителей пуштунской знати как опоры шахского режима [7, сс. 194-221].

Представителям непуштунских этносов практически невозможно было подняться по службе выше нижних чинов офицерства. Однако осознание несправедливости своего положения этническими меньшинствами стало одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на внутреннюю политику и моральное состояние армии.

После окончания Второй мировой войны в Афганистане активнее стали развиваться капиталистические отношения. На этом фоне возникли первые либеральные буржуазно-демократические оппозиционные организации, которые выступали с критикой существующего в стране общественного порядка в своих печатных изданиях. Наиболее видными среди них были “Вишь зальмиян” (“Пробудившаяся молодежь”), “Нида-йе хальк” (“Глас Народа”), “Ватан” (“Родина”). Небольшое число сторонников они имели и в армии.

С середины 1950-х годов началось военно-техническое сотрудничество Королевства Афганистан и СССР. Массовая отправка в Советский Союз офицеров среднего и низшего звена в целях обучения предопределила во многом “левую” ориентацию этой части офицерства, среди которого и оказалось много представителей этнических меньшинств [9, с. 16]. Тогда как высший генералитет Афганистана проходил обучение или получал консультации за рубежом [5, с. 205]. Так наметился идеологический раскол в афганских вооруженных силах, результатом которого впоследствии стало снижение их общей боеспособности.

Тенденции к активизации общественной жизни еще более усилились в Афганистане после принятия Конституции 1964 г. Было разрешено учреждение общественных организаций, для которых предусматривалась возможность политического участия. Среди таких организаций стоит назвать марксистские Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА, создана в 1965 г.) и “Шоала-йе Джавид” (“Вечное Пламя”, учреждена в 1964 г.), разного рода прогрессистские либеральные общественно-политические движения, а также праворадикальную организацию “Мусульманская молодежь”. Армия под влиянием расширения политического спектра в стране также становилась политически ангажированной и фракционной. Прошедшее подготовку в СССР младшее и среднее афганское офицерство в русле общих для Востока тенденций стремилось стать авангардом в реформировании страны.

В условиях идеологической турбулентности накануне смены власти афганская верхушка была вынуждена изменить методы политической работы в армии. В первую очередь, вводилась персональная ответственность офицеров за моральное состояние солдат, были разработаны специальные программы и методички по “нейтрализации передовых идей и взглядов”³, а также взглядов крайне правых [7, с. 133].

Рупором сторонников правящей династии выступил журнал “Де урду маджалла” (“Армейский журнал”). Наиболее прогрессивные и реформаторские идеи были объявлены в нем антиисламскими, антимонархическими. Монарх позиционировался как выразитель и защитник интересов всех слоев афганского общества. Провозглашался главный лозунг афганской армии: “Бог, родина, король!” [7, с. 135]. Среди военнослужащих-афганцев активно насаждался культ “сакральности” военной профессии, поскольку сам пророк Мухаммад и Праведные Халифы⁴ значительную часть жизни занимались военными походами. Служба в армии почиталась как священная обязанность мусульманина вести джихад⁵.

Свергнув своего двоюродного брата Захир-шаха, Мохаммад Дауд-хан (1973–1978) с целью укрепления своего режима сделал ставку на прослойку офицерства нижних и средних чинов, понимая, что представители высшего генералитета выражают лишь узкие клановые интересы. К действиям по привлечению им офицерства на свою сторону можно отнести меры материального поощрения офицеров и унтер-офицеров: повышение жалования, предоставление обмундирования и регулярного питания.

Успех Мохаммада Дауда во время организованного им государственного переворота летом 1973 г. был во многом обусловлен его опорой на левые силы в армии, в основном, на сторонников более умеренной фракции “Парчам” марксистской партии НДПА⁶. Как отмечал российский афганист В.Г. Коргун, между Даудом и этой фракцией во второй половине 1960-х годов была заключена политическая сделка: не столь радикально настроенные левые офицеры должны были поддержать государственный переворот взамен на получение некоторых постов в правительстве [6, с. 374].

Армия, в которой доминировали представители “левых” сил, после переворота стала полноценным субъектом политики. Новый правитель выдвинул тезис “единства мысли и действий” для всего афганского общества, в том числе для армии. Этот тезис стал практическим воплощением теории “народной” или “национальной революции”, которая совместила в себе пуштунский национализм, ислам и культ личности главы Республики, сардара⁷ Мохаммада-Дауда [10, pp. 1-2]. Теория “национальной” революции

³ Афганская королевская пропаганда называла так спектр оппозиционных идейных течений от социалистических до либерально-демократических.

⁴ “Праведные халифы” – первые четверо глав мусульманской общины после Пророка Мухаммада из числа его ближайших соратников: Абу Бакр (632–634), Омар (634–644), Осман (644–656), Абу Али ибн Талиб (656–661).

⁵ Джихад – от араб. “усилие”. Имеется в виду так называемый малый джихад – обязанность мусульманина вести войну за свою веру.

⁶ Почти с самого создания партии НДПА в ней наметился фракционный раскол на почве этнических противоречий: более радикальное крыло с доминирующим числом пуштунов (“Хальк”, “Народ”) возглавил Мохаммад Тараки, более умеренное крыло с преобладанием выходцев из этнических меньшинств (“Парчам”, “Знамя”) возглавил Бабрак Кармаль.

⁷ Сардар (от перс. “вождь”, “полководец”) – официальный титул М. Дауда как главы Республики Афганистан.

афганского народа заключалась в сознательном акцентировании заслуг пуштунского народа в становлении государства, возвышении и укреплении роли пуштунов в развитии современного Афганистана под чутким надзором сардара и в соответствии с нормами ислама в трактовке проправительственных мулл-традиционалистов.

Ко второй половине 1970-х годов внутренняя обстановка в стране и в армии, как особо политизированной части общества, вновь накалилась. Сторонники НДПА, возлагавшие на сардара надежды на проведение полноценных реформ социалистического характера, разочаровались в режиме Дауда. С другой стороны, крайне агрессивно настроены против режима были праворадикальные исламисты, интересы которых выражали “Исламская партия” Г. Хекматияра и “Исламское общество” Б. Раббани – оба выходцы из “Мусульманской молодежи”.

В апреле 1978 г. неизвестными был убит видный деятель НДПА Мир Акбар Хайбар. В раскаленном недовольством Афганистане однопартийцы превратили его похороны в крупнейшую антиправительственную манифестацию. Сторонники Дауда попытались “приструнить” марксистов, но их действия лишь усугубили конфликт и обернулись свержением и жестоким убийством главы государства. Эти события вошли в историю как “Саурская революция”. Ведущую роль в ней сыграла именно армия в лице активных членов НДПА [11, с. 108].

Придя к власти при поддержке военных, Народно-демократическая партия Афганистана начала чистки государственного аппарата. В первую очередь из него изгонялись сторонники Дауда и “правых” сил. Формальным главой государства в 1978 г. стал генеральный секретарь ЦК НДПА М. Тараки, однако более влиятельным и активным политиком оказался глава “Хальк” Х. Амин, назначивший своих людей на ключевые посты. Ему противостояла “группа Кадыра” сторонников министра обороны А. Кадыра, который идейно был ближе к халькистам, но испытывал личную неприязнь к их лидеру Х. Амину. Фракция “Парчам” во главе с Б. Кармалем, за которой в этот период оказались места в спецслужбах, также потенциально претендовала на власть [7, сс. 411-412, 423].

Таким образом, в 1978–1979 гг. армия обеспечила приход к власти прогрессивно-настроенных “левых” сил. Однако новое правительство с самого начала не отличалось внутренней устойчивостью по причине сложной межфракционной борьбы. Эта нестабильность отражалась на настроениях в вооруженных силах.

УЧАСТИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ФОРМИРОВАНИИ АФГАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

В конце 1970-х – начале 1980-х годов вооруженные силы Демократической Республики Афганистан (ДРА) были идейно дезориентированы и деморализованы как вводом ограниченного контингента советских войск в декабре 1979 г., так и регулярными чистками и репрессиями, которое устраивало в армии партийное руководство [7, с. 412].

Ввод ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), хотя и случился по приглашению лидера “Парчам” Б. Кармалю (1979–1986), вызывал внутренний протест у рядовых афганцев, так как воспринимался, как вторжение извне. Идеи стремительной социалистической модернизации, которую собирался провести Кармаль, находили отклик лишь у небольшого числа офицеров. Фактическое “раскулачивание” афганских землевладельцев, причем далеко не всегда крупных, стало мощным раздражителем для афганцев, особенно в сельской местности [12, с. 424]. В армии с новой силой вспыхнули межэтнические и межконфессиональные конфликты на фоне радикальных и неумелых социалистических преобразований. Увеличилось число дезертирств, нередко были случаи насилия офицеров над своими подчиненными, в том числе сексуального [13, с. 222].

Вновь актуальным стал вопрос повышения боеспособности афганской армии, особенно перед лицом военной угрозы со стороны Ирана и Пакистана, а самое главное со стороны внутренней исламской оппозиции. Эта задача легла в основном на плечи советских советников, работавших во всех видах вооруженных сил ДРА [14, с. 171]. Было необходимо преодолеть фракционные трения в армии, организовать регулярное пополнение личного состава. Все это вылилось в актуальную задачу формирования "новой революционной армии, которая ставила своей целью защиту интересов афганского народа". Вместе с тем на армию возлагалась "воспитательная функция" по подготовке кадров для управления страной. Роль армии в управлении государством закреплялась в "Программе действий НДПА", изданной в 1982 г. [12, с. 427]

Изначально режим Кармая рассчитывал на победу силами собственной армии, однако, ввиду непопулярности действий НДПА, в частности, в земельном вопросе и слабости афганских ВС со временем обязанность борьбы с "вооруженной контрреволюцией" легла на плечи ОКСВ [12, с. 427]. Разрозненные отряды моджахедов использовали преимущества афганского ландшафта и скромными вооружениями могли с легкостью уничтожать советскую военную технику [14, с. 172]. Тем более, что сельское население поголовно поддерживало движение моджахедов⁸ и оставалось его важнейшим ресурсом. К финансовой и военно-технической поддержке исламской оппозиции активно присоединились США, которые посчитали ввод в Афганистан ОКСВ прямой угрозой своим позициям в регионе [15, с. 26].

Военно-гражданский конфликт в Афганистане к середине 1980-х годов постепенно все больше интернационализировался и вследствие этого затягивался. Партийное руководство в лице фракции "Парчам" занималось более всего укреплением своих административных и политических позиций и продвижением своих сторонников по карьерной лестнице. Все это не могло не сказаться на армии, которая становилась все менее боеспособной и эффективной. Советская 40-я армия, составляющая основу ОКСВ, выполняла все основные боевые задачи, участие ВС ДРА ограничивалось лишь реализацией вспомогательных.

Вместе с тем с самого начала конфликта в Афганистане у советского руководства было понимание, что его решение находится сугубо в политической плоскости [16]. С приходом к власти в СССР М. Горбачева и в Демократической Республике Афганистан М. от Наджибуллы (1987–1992 гг.)⁹ начали разрабатываться пути политического решения афганского конфликта. В 1987 г. Наджибуллой была выдвинута доктрина Национального примирения, которая предполагала отказ НДПА от монополии на власть, прекращение огня и приглашение оппозиционных партий к переговорам. Фактически данная доктрина так и не была реализована на практике: она оттолкнула от Наджибуллы деятелей фракций "Парчам" и "Хальк", которые доминировали в вооруженных силах и спецслужбах (армии, МВД, госбезопасности). Вместе с тем налаженный диалог со старейшинами этнических кланов и ханами племен помог ему опереться скорее на местные племенные формирования, так называемых арбаков, чья боеспособность была выше, чем у регулярных формирований [17].

В ходе вывода ОКСВ в 1988–1989 гг. Наджибулла остался фактически без вооруженной поддержки во многих частях страны, а местное ополчение стало главной, но ненадежной опорой. Сохранять контроль над территориями ему помогли А. Дустум, генерал армии ДРА, командир узбекских формирований, и Сеид Надери, лидер афганских исмаилитов, которые пользовались полной свободой действий в обмен на политическую лояльность Наджибулле. Сохранению Наджибуллой монополии на власть способствовала поддержка племенных командиров разного уровня, что привело в дальнейшем к постепенному разрушению центрального государственного аппарата во главе с НДПА.

⁸ Движение моджахедов – оппозиционные партии и организации в Афганистане правого радикального исламского толка ведущие войну с режимом Мохаммада Дауд-хана, НДПА и ОКСВ в 1970–1990-е годы.

⁹ Мохаммад Наджибулла – афганский революционер, член фракции "Парчам", с 1980 г. – глава Службы государственной информации (госбезопасность), с 1987 по 1992 г. – глава ДРА.

С падением режима Наджибуллы все его достижения оказались перечеркнуты. 25 апреля 1992 г. моджахедскими партиями были подписаны Пешаварские соглашения, согласно которым государственные институты предыдущего правительства, в том числе “армия, полиция, жандармерия” подлежали расформированию. Новые войска по факту были разрозненными отрядами моджахедов. Джихадистские и национально-освободительные лозунги стали неактуальны уже после вывода сил ОКСВ, а война перетекла в классическую для Афганистана этническую междоусобицу.

Таким образом, в период нахождения ОКСВ в Афганистане вооруженные силы постепенно утратили свою функцию по противодействию внешним и внутренним угрозам, несмотря на все усилия советников из СССР. Разные ведомства, контролирующие ВС, срослись с партийными фракциями НДПА и использовались, как наиболее весомый аргумент в борьбе за власть. Курс на политическую инклюзивность в ходе “Национального примирения” оказался неуспешен в силу углубившегося в ходе гражданской войны раскола афганского общества, а также неизжитого племенного сознания. Вооруженные силы из “авангарда развития” стали фактором коллапса правительства ДРА.

УЧАСТИЕ США В ФОРМИРОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ АФГАНИСТАНА

Общественно-политические и социально-экономические процессы периода Исламской Республики в Афганистане (2001–2021) получили название “восстановление” или “реконструкция”¹⁰. Суть этих процессов заключалась в государственном строительстве, осуществлявшемся американской администрацией. Этот период во многом повторял характерные черты предыдущего: например, основные боевые задачи выполняла не афганская армия, а Международные силы содействия безопасности (далее МССБ) в лице стран НАТО и других союзников США.

Среди государственных институтов, восстанавливаемых США, одно из центральных мест, занимал институт вооруженных сил, армии. По словам командующего силами НАТО генерала Джеймса Джонса (2003–2006), восстановление армии есть опора, на которой зиждется восстановление всей страны [18]. Несмотря на то, что почти 20 лет США пытались строить афганскую армию по образу американской, которая успешно могла бы противостоять внешним и внутренним угрозам (главным образом, в лице талибов и других антиправительственных сил), этот проект потерпел крах. По мнению некоторых экспертов [19], причиной тому стало резкое падение боеспособности ВВС, представлявших главную угрозу талибам. Его чаще всего связывают с нехваткой знаний по обслуживанию и ремонту техники, отсутствием обученного личного состава. Однако есть и другие, более глубокие и фундаментальные причины стремительной деградации вооруженных сил.

Во-первых, это моральная и идейная неготовность к противостоянию. Бóльшая часть личного состава Афганской национальной армии (АНА) воспринимала службу в армии как возможность заработка, способ прокормить свои семьи в беднейшей стране мира. Некоторые афганцы, не стесняясь в выражениях, говорили: “У них нет иной идеологии, кроме как стричь деньги с американцев”. О коррупции внутри армии прекрасно были осведомлены и личный состав, и генералитет, и обычные люди [20]. По утверждению американских советников¹¹, талибы сражались во имя своей веры с целью “попасть в рай, поразив неверных”, а афганской армии оставалось воевать по контракту за не самые большие деньги.

Во-вторых, в армии существовала проблема “мертвых душ”, когда офицеры, дабы получить деньги на зарплаты за несуществующих людей, отправляли начальству огромные списки личного состава, которого не существовало. Заявленная численность

¹⁰ При правительстве США в 2008 г., согласно принятому Дж. Бушем-мл. закону “О национальной обороне”, была создана особая должность инспектора по восстановлению Афганистана, которую занял Джон Ф. Сопко, обязанный предоставлять ежеквартальные отчеты об эффективности расходования финансовых средств на программы восстановления этой страны.

¹¹ Gen. Petraeus speaks about Afghanistan collapse, U.S. withdrawal. *NBC News*, 17.08.2021. Available at <https://www.nbcnews.com/nightly-news/video/gen-petraeus-speaks-on-afghanistan-collapse-u-s-withdrawal-118822981576> (accessed 28.07.2022).

всех вооруженных сил составляла около 300 тыс. человек, однако реальное количество военных едва ли составляло половину этого количества¹².

Целью АНА в ее Уставе провозглашалась “защита афганцев”, но данная формулировка звучала слишком пространно, а реальные цели национальной армии сводились к освоению навыка ведения боевых действий в связке с МССБ, как вспомогательного звена¹³. Несмотря на то, что АНА мыслилась как одна из ключевых опор восстановления афганского государства после 2001 г., ее распад случился вскоре после прекращения поддержки со стороны МССБ.

Приверженность солдат АНА делу защиты отечества и сограждан была под вопросом. Движение Талибан (запрещенная в России террористическая организация) в отличие от регулярной армии позиционировало себя как участников национально-освободительного движения, защищающих страну от американской внешней экспансии, что, несомненно, добавляло ему сторонников¹⁴.

Американские армейские методички просто переводились для АНА без учета каких-либо местных особенностей. Инструкторы, которые занимались с солдатами и офицерами, были из разных стран (США, Канада, Великобритания, Франция и др.) и исходили из своих представлений о том, как надо готовить афганских военных к защите своего отечества. Идеологическая подготовка личного состава почти не велась.

Судя по всему, иностранные кураторы намеренно не затрагивали вопрос идеологической и политической работы в армии. Это может проиллюстрировать заявление бывшего посла США в Афганистане Карла Айкенберри еще на этапе раннего “восстановления” афганского государства в 2007 г.: «Мы можем помочь тренировать армию [Афганистана], мы можем помочь с вооружением и экипировкой, мы можем помочь с инфраструктурой, но только сами афганцы могут вдохнуть “душу” в свою армию» [18]. А последнего за все 20 лет республиканского режима так раз и не произошло.

Эффективное сопротивление натиску талибов могли организовать только отдельные талантливые и харизматичные командиры: генерал Абдул-Раззак в Кандагаре, Абдулла Лагмани в Лагмане, Азизулла Карван в Пактике, Фарид Ахмад Машал. Однако с физическим устранением этих командиров АНА стремительно теряла свою боеспособность и моральную готовность к противостоянию¹⁵.

Таким образом, в первой четверти XXI в. афганская армия все также оставалась заложницей неизжитого афганского племенного сознания, а также ошибок американской администрации, занимавшейся “реконструкцией” страны. Вооруженные силы можно было воспринимать как небоеспособный придаток коррумпированного правительства. Армия, так и не ставшая “авангардом развития и возвышения страны”, представляла собой малоэффективный и коррумпированный институт, неспособный выполнять свои прямые задачи.

¹² Chas D. Why Afghanistan's Security Forces Suddenly Collapsed. *Intelligencer*, 17.08.2021. Available at <https://nymag.com/intelligencer/2021/08/why-afghanistans-security-forces-suddenly-collapsed.html#:~:text=Biden%20and%20others%20have%20sought,and%20managed%2C%20poor%20military%20planning%2C> (accessed 15.08.2022).

¹³ Kandak COIN Checklist. Available at: <https://info.publicintelligence.net/ANA-3-24-4.pdf> (accessed 28.07.2022).

¹⁴ Замир Кабулов: Интересы талибов по борьбе с ИГИЛ в Афганистане объективно совпадают с российскими. *Интерфакс*, 23.12.2015. [Zamir Kabulov: the Interests of Taliban to Fight with ISIS Correspond with Russian Ones. *Interfax*, 23.12.2015. (In Russ.)] Available at <https://www.interfax.ru/interview/486757> (accessed 03.04.2022).

¹⁵ Karim Amini. Farmāndah-e ke az Maydānha-ye Nabard Piruz Birun Shod Cheguna Dar Kābol Koshta Shod? *TOLO News*, 29.06.2018. [The Commander that Came Winner from the Battlefield How Was Assassinated? *TOLO News*, 29.06.2018. (In Dari.)] Available at <https://tolonews.com/fa/afghanistan/%D9%81%D8%B1%D9%85%D8%A7%D9%86%D8%AF%D9%87%D8%8C-%DA%A9%D9%87-%D8%A7%D8%B2-%D9%85%DB%8C%D8%AF%D8%A7%D9%86%E2%80%8E%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D9%86%D8%A8%D8%B1%D8%AF-%D9%BE%DB%8C%D8%B1%D9%88%D8%B2-%D8%A8%DB%8C%D8%B1%D9%88%D9%86-%D8%B4%D8%AF-%DA%86%DA%AF%D9%88%D9%86%D9%87-%D8%AF%D8%B1%DA%A9%D8%A7%D8%A8%D9%84-%DA%A9%D8%B4%D8%AA%D9%87-%D8%B4%D8%AF> (accessed 07.04.2022).

* * *

С получением независимости Афганистаном его вооруженные силы развивались в русле преобладающих на Востоке тенденций. Армия в тот период была наиболее современным институтом, в рамках которого государство пыталось преодолеть клановые и межэтнические противоречия, хотя на протяжении всего XX в. армии Афганистана так и не удалось изжить этническую и клановую фракционность. Не получилось это и во время советского военного присутствия в Афганистане.

Проблема этнической фракционности была одной из ключевых и в Афганской национальной армии. В первой четверти XXI в. различные властные группировки Исламской Республики Афганистан, сложившиеся на основе клановой лояльности, использовали армию как способ продвижения “своих людей”. Функция вооруженных сил как гаранта национального суверенитета отошла на второй план. Присутствие в стране Международных сил содействия безопасности не стало гарантом создания самодостаточных политических и социальных институтов в стране, включая боеспособную армию.

Очевидно, что талибам, вновь захватившим власть, игнорировать вопрос создания современных вооруженных сил нельзя. С уходом международной коалиции во главе с США идеологическая привлекательность джихада против иностранных захватчиков, всегда успешная в Афганистане, исчерпала себя, и для построения регулярных вооруженных сил потребуются выработка новых идей, а также продуманное формулирование конкретных целей и задач. Наиболее острым остается вопрос межфракционной вражды, а также нарастающее вооруженное сопротивление талибам среди непустунских этносов Афганистана. Учитывая, что движение Талибан является военизированным, выделение из него независимых друг от друга институтов гражданской власти и вооруженных сил крайне осложнено.

В случае, если у новых властей Афганистана не получится хотя бы частично преодолеть внутреннюю фракционность и разрешить противоречия с лидерами этнических меньшинств, военно-политическая ситуация в стране будет деградировать, а национальная армия может быть принесена в жертву междоусобной войны всех против всех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Мирский Г.И. “Третий мир”: Общество, Власть, Армия. Москва, Наука, 1976. 408 с. [Mirskii G.I. *The Third World: Society, Power, Army*. Moscow, Nauka, 1976. 408 p. (In Russ.)]
2. Стрельцов Д.В., отв. ред. *Армии на современном Востоке*. Москва, Аспект-пресс, 2018. 384 с. [Strel'tsov D.V. *Armies in The Modern Orient*. Moscow, Aspekt-press, 2018. 384 p. (In Russ.)]
3. Giustozzi A. *The Army of Afghanistan. A Political History of a Fragile Institute*. London, elfkbnm njxre., 2016. 288 p.
4. Пластун В.Н. *Изнанка афганской войны 1979-1989: дневниковые записи и комментарии участника*. Москва, ИВ РАН, 2016. 732 с. [Plastun V.N. *Afghan War: A Look from Within 1979-1989: Participant's Diary Notes and Comments*. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2016. 732 p. (In Russ.)]
5. Конаровский М.А. *Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы*. Москва, МГИМО-Университет, 2020. 355 с. [Konarovskiy M.A. *Afghanistan at the Turn of the Century: New Crossroads of Fate*. Moscow, MGIMO-University, 2020. 355 p. (In Russ.)]
6. Коргун В. Г. *История Афганистана. XX век*. Москва, ИВ РАН, 2004. 529 с. [Korgun V.G. *History of Afghanistan in XX Century*. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2004. 529 p. (In Russ.)]
7. Ганковский Ю.В. *История вооруженных сил Афганистана 1747–1977*. Москва, Наука, 1985. 206 с. [Gankovskiy Y.V. *The History of the Afghanistan Armed Forces, 1747–1977*. Moscow, Nauka, 1985. 206 p. (In Russ.)]
8. Теплинский Л.Б. *50 лет советско-афганским отношениям 1919–1969*. Москва, ИВ АН СССР. 246 с. [Teplinsky L.B. *50 Years of Soviet-Afghan Relations 1919–1969*. Moscow, Institute of Oriental Studies of AS of USSR. 246 p. (In Russ.)]
9. Теплинский Л.Б. Проблема Пуштунистана во внешней политике современного Афганистана. *Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР*. Москва, ИВ АН СССР, 1960. Вып. XXXVII. Сс. 9-17. [Teplinsky L.B. The Problem of Pashtunistan in the Foreign Policy of the Modern Afghanistan. *Brief Reports of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences*. Moscow, Institute of Oriental Studies of AS of USSR, 1960. Iss. XXXVII. Pp. 9-17. (In Russ.)]

10. Də Dre Sawah aw Pendzos Pendzəm Kāl pə Munasibat də Dawlat də Ra'is aw Sadr-Azam Xāghəlay Muhammad Dāud Waynā. *Də Urdu Majallah*, 1355, no 1. [The Speech of the Head and Premier-Minister of the State Muhammad Daud Devoted to the New Year 1355 (1977). *The Journal of Army*, 1977, no. 1 (In Pashto)] Available at: <https://ketabton.com/book/14145> (accessed 21.07.2022).
11. Sands C., Qazizay F. *Night Letters: Gulbuddin Hekmatyar and the Afghan Islamists Who Changed the World*. London, Hurst Publ, 2019. 528 p.
12. Арунова М.Р., Басов В.В., Коргун В.Г. *Актуальные проблемы афганской революции*. Москва, Наука, 1984. 660 с. [Arunova M.R., Basov V.V., Korgun V.G. *Actual Problems of Afghanistan Revolution*. Moscow, Nauka, 1984. 660 p. (In Russ.)]
13. Ляховский А.А. *Трагедия и доблесть Афгана*. Москва, ИСКОНА, 1995. 720 с. [Lyakhovsky A.A. *The Tragedy and Valor of Afghanistan*. Moscow, ISKONA, 1995. 720 p. (In Russ.)]
14. Христофоров В.С. *Афганистан. Правящая партия и армия (1979–1989)*. Москва, Ин-т росс. Истории РАН, 2009. 318 с. [Khristoforov V.S. *Afghanistan. The Ruling Party and Army (1979–1989)*. Moscow, Institute of Russian History Studies of RAS, 2009. 318 p. (In Russ.)]
15. Арунова М.Р. *Афганская политика США в 1945–1999 гг.* Москва, Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока. ИВ РАН, 2000. 127 с. [Arunova M.R. *Afghan Policy of the USA during 1945–1999*. Moscow, Institute of Israel and Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, 2000. 127 p. (In Russ.)]
16. Христофоров В. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию. *Рабкрин*, 24.04.2020. [Khristoforov V. The Afghan Events 1979–1989: From Knowing to Comprehension and Acceptation. *Rabkrin*, 24.04.2020. (In Russ.)] Available at: <https://rabkrin.org/hrstoforov-v-afganskie-sobytiya-1979-1989-gg-ot-poznaniya-k-osmysleniyu-i-priznaniyu-2019-statya/> (accessed 15.08.2022).
17. Borhan O. Enemy Number One: How the Taleban Deal with the ALP and Uprising Groups. *Afghanistan Analysts Network*, 19.07.2017. Available at: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/enemy-number-one-how-the-taleban-deal-with-the-alp-and-uprising-groups/> (accessed 15.08.2022).
18. Chan S. *Sentinels of Afghan Democracy: The Afghan National Army*. Available at: https://www.army.mil/article/17327/sentinels_of_afghan_democracy_the_afghan_national_army (accessed 02.04.2022).
19. Шашок Л.А. *Почему крах ВВС Афганистана произошел еще до захвата власти талибами. Часть 1*. Институт Ближнего Востока. 15.01.2022. [Shashok L.A. *Why Did Afghanistan Air Forces Collapse Before Taliban Siezed the Power? Part 1*. Institute of Middle East Studies. 15.01.2022. (In Russ.)] Available at: <http://www.iimes.ru/?p=82800&print=1> (accessed 02.04.2022).
20. Giustozzi A., Quentin P. *The Afghan National Army: Sustainability Challenges beyond Financial Aspects*. Afghanistan Research and Evaluation Unit. February 2014. Available at: <https://www.refworld.org/pdfid/537c4d264.pdf> (accessed 03.04.2022).